

Владимир
Березин

Мамонт

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-29101-0

© В. С. Березин, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Ищу спутников для опасного путешествия. Небольшое жалованье, холод, долгие месяцы полной темноты, постоянная опасность. Вероятность возвращения домой невелика. Честь и признание в случае успеха.

Сэр Эрнест Шеклтон

Tho' much is taken, much abides; and tho'
We are not now that strength which in old days
Moved earth and heaven, that which we are, we are,
One equal temper of heroic hearts,
Made weak by time and fate, but strong in will
To strive, to seek, to find, and not to yield¹.

A. Tennyson. Ulysses

¹ ...Многих нет,
Но многие доныне пребывают.
И нет в нас прежней силы давних дней,
Что колебала над землёй и небо,
Но мы есть мы. Закал сердец бесстрашных,
Ослабленных и временем и роком,
Но сильных неослабленною волей
Искать, найти, дерзать, не уступать.
(Перевод Константина Бальмонта)

Посвящается советским исследователям и учёным-палеонтологам, геологам и полярникам, морякам и лётчикам. Людям, что сделали невероятное в самое сложное время и в самых сложных условиях и при этом знавшим, что нет ничего прекраснее процесса познания, который сильнее человеческой злобы и подлости. Этот процесс сильнее оружия и даже самой смерти. Познание окружающего мира и его плоды удивительнее любого приключенческого романа, и, что бы потом ни придумали писатели-фантасты, ничто не сравнится с их биографиями и научным подвигом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Ленинград, январь 1942
59°57'00" с. ш. 30°19'00" в. д.*

Посетитель музея. Холодная зима
в большом городе. Предначертание судеб
и опись героев

Была лютая зима, а может, так ему казалось от недоедания. Город вымерз, и жители уничтожали его, как термиты, выжигая мебель, книги, дверные косяки и всё, что могло гореть.

Еськов прошёл по набережной, а потом спустился на лёд, покрытый десятками тропок.

За спиной у него висел тощий вещмешок системы «сидор» и пистолет-пулемёт системы Дегтярёва. Оружие это сделали чуть севернее, в Сестрорецке, такие же голодные люди, как и те, что сейчас грелись в городе горячей в печках мебелью.

Медный всадник смотрел Еськову в спину. Самого бронзового императора не было видно из-за мешков с песком, и оттого Еськов представлял его себе как пулемётчика в доте, пулемётчика, оставленного на крайний час, когда снимется и уйдёт охранение.

В этот крайний для себя час пулемётчик ударит из своей засады и, наверное, успеет выкосить две-три волны наступающих.

Впрочем, всадник остался далеко позади. Еськов пересекал Неву, а вокруг него был осаждённый город.

Два с половиной века истории глядели на него через пустые проёмы выбитых окон.

Он поднялся по заметённым снегом ступенькам на Университетскую набережную и пошёл в сторону Республиканского моста, пока не остановился у цели.

Перед ним стоял Зоологический музей, и вахтёр, сидевший в своём закутке за стеклянной дверью, не обратил на него внимания. Перед вахтёром стояла кружка, видимо с кипятком, и Еськов, пожалуй, тоже не стал бы отрываться от неё, чтобы расспрашивать человека в форме. Если человек в форме пришёл в музей и знает, куда ему идти, то он главнее вахтёра.

Поэтому Еськов небрежно козырнул в грязное стекло будки и вступил в гулкие выстуженные залы.

Одно окно было отчего-то не завешено, и в неверном свете зимнего солнца посетитель остановился перед мамонтом.

Еськов встал так, чтобы стеклянные глаза чучела смотрели прямо на него.

Он говорил с мамонтом, который умер сорок четыре тысячи лет назад.

Мамонта сорок лет назад нашёл эвен-охотник. Охотник боялся мамонта, хотя от него торчала одна только голова. Охотник боялся мамонта, и его друзья-охотники боялись, и всё же они выломали один из бивней и повезли его продавать.

Бивень купил казак, а потом вернулся и за остальным.

Через год за мамонтом приехали белые люди. Они ехали долго — месяц за месяцем. Сперва они добрались до Дальнего Востока, затем до реки Колымы, потом поднимались по реке Берёзовке, и с каждым шагом идти им было всё труднее.

Мамонта это всё не касалось. Сорок четыре тысячи лет сидел он в вечной мерзлоте, и время текло мимо него, ничего не меняя. Белые люди достигли его в сентябре, и на свежем снеге выглядели диковинными птицами. Было холодно, потому что зима приходит в тундру рано. Белые люди построили над мамонтом избу, чтобы внутри оттаивала мёрзлая земля. Мамонт равнодушно смотрел на них пустыми глазами.

Его разрезали на части и повезли через начинавшуюся зиму. Мамонт отнёсся безразлично к тому, что его ноги, голова и тело едут в разных кожаных мешках — за сорок четыре тысячи лет, которые он провёл в неудобной позе, это было даже развлечением.

Вокруг него суетились учёные, и он позволял им наново собирать свои кости.

К нему пришёл император.

Мамонт смотрел на этого маленького человека с синей лентой через плечо и знал, что ни один император не вечен. И этому, что стоит перед ним, наверняка осталось недолго.

Так и вышло — и человека с лентой, и женщин, что были с ним, скоро постигнет та же судьба, и кости их будут жить в мешках — кожаных и не кожаных, и их тоже будут трогать учёные, перекладывая от одной кучи к другой.

А теперь перед мамонтом стоял младший лейтенант Еськов, и снег на его валенках не таял.

Еськов располагал ещё тремя часами, за которые он рассчитывал добраться пешком до места сбора. У него было две лишние дырки в спине, на которых, когда он нагибался, пульсировала новая розовая кожица.

Но мамонт этого не видел.

У мамонта было шестьдесят лет жизни и сорок четыре тысячи лет сна, а у младшего лейтенанта Еськова жизни было в три раза меньше, а последние полгода он вовсе не спал. Последние полгода он разве что дремал урывками.

Сон для младшего лейтенанта был чем-то вроде мечты, воспоминанием о том времени, когда он, ещё мальчиком, сидит на кухне и дремлет под бульканье огромной кастрюли на плите. Кастрюля ухаёт и жарко дышит бе-

лым боком, но в ней не еда, а грязное бельё в мутной мыльной воде. Но всё равно она горяча, горяча, горяча, от неё исходит летний жар...

— А вы неплохо переносите холод, — сказал кто-то ему в спину.

По старой привычке Еськов резко обернулся, перехватив ствол своего автомата.

Но это был не враг, а человек музея. Просто за месяц госпиталя Еськов не мог отвыкнуть от страха, который вызывал неожиданный шум за спиной.

— Можете помочь? — тускло спросил музейный работник.

Еськов молча пошёл за ним.

Они спустились прямо к месту, где сидел вахтёр, и, подойдя ближе, Еськов понял, что он давно мёртв — быть может, уже несколько дней.

Вахтёр сидел перед кружкой, как шахматист перед шахматной доской. Только в кружке уже был лёд странного цвета. И стало быть, игра не задалась.

Вдвоём они вытащили вахтёра из-за стола, не пытаясь распрямить его тело.

— А знаете, — сказал музейный работник, — ведь мы с Николаем Степановичем ровесники. Только он всю жизнь просидел здесь, а я стал академиком.

Еськов удивлённо посмотрел в лицо собеседнику. Голод сильно менял лица, и раньше младшему лейтенанту казалось, что музей-

ному человеку лет тридцать. Но, присмотревшись, он увидел, что у музейного человека лицо точно такое же старое, как у вахтёра.

Лица часто жили своей жизнью; в первую блокадную зиму Еськов видел, как лица умирали прежде людей. Но этот академик со старой пергаментной кожей крепко держался за жизнь.

— Сейчас придёт машина, она по чётным числам тут проезжает... — сказал академик и уже еле слышно прошелестел: — Проезжает и собирает... Прилуцкий тоже умер, и позавчера некому было их позвать. Глупо как-то, будто в ноябре, я думал, что так уже не будет...

Они поставили чайник на примус и скоро допили морковный чай за мёртвым вахтёром.

Полуторка, что действительно скоро приехала, шла в нужном младшему лейтенанту направлении, и его подвезли.

Он ехал по темнеющему городу в кузове — вместе с вахтёром и ещё какими-то людьми, земное время которых уже кончилось. Теперь они находились в вечности, что сорок четыре тысячи лет окружала мамонта. Мёртвый император со своей семьёй тоже был там, лёжа глубоко под землёй.

И командир батальона, к которому ехал младший лейтенант Еськов, тоже уже находился в царстве мёртвых. Пока Еськов шёл по замёрзшему льду Невы, на их участке бы-

ла танковая атака, и с тех пор верхняя часть туловища комбата лежала рядом со взорванным танком.

Всё дело было ещё и в том, какой был сегодня день.

Еськова спешно выписали из госпиталя, потому что фронт дышал началом очередного прорыва с той стороны и каждый человек, который мог драться, был на счету.

В этот момент контр-адмирал Роберт Эйссен начал диктовать машинистке черновой вариант статьи «„Комета“ огибает Сибирь». Еськов ничего не знал о высшем офицере кригсмарине Эйссене, как не знал и о судьбах покойников, ехавших вместе с ним в кузове.

А старший лейтенант Серго Коколия осматривал вооружение своего ледокольного парохода и не знал, о чём больше тревожиться — о его слабости или о слабости обшивки.

Половина страны была занята неприятелем. Некоторым и вовсе было всё равно — как, например, крепкому украинскому парню Скирюку. Сначала он жил под поляками, и ему поляки не нравились, потом он жил под Советами, и Советы ему не понравились тоже. К немцам он также не испытывал радостных чувств — жизнь его почти не изменилась, и пока он сидел у себя в прикарпатской хате, особо не интересуясь войной.

Еськов двигался навстречу своей судьбе, ещё не зная всего этого.

Пока все они были там, в одной точке пространства и времени, мёртвые и живые, вместе с древним рыжим мамонтом. Они были вместе — с той только разницей, что, в отличие от мамонта, никто и никогда не будет разглядывать людей, что умерли сейчас и умрут позднее, через стекло музейной витрины.

А Еськов был жив, только дышал аккуратно, чтобы внутри его воздух вёл себя спокойно и не давил резко на простреленные лёгкие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Териоки, июнь 1913
60°16'79.17" с. ш. 29°86'09.79" в. д.

Дачная местность в преддверии больших перемен, странная машина в сарае, предсказания писателей, неожиданный эксперимент с предсказуемым результатом

Они сперва шли вдоль залива, разговаривая о высоких энергиях, а когда свернули на дорожку между дачами, перешли к химии. Говорили о том, что тайны химии ближе людям, чем тайны атомов. Старик печалился о том, что это не скоро поймут, и хвалил своего спутника за то, что тот сочетает химию и физику.

Ночь кончалась, да, впрочем, и ночи в Териоках сейчас никакой не было.

Двух собеседников окружала тишина, и даже птицы, казалось, замерли, набираясь сил. Только слышен был в этой тишине ритмичный шум прибоя.

Один из прогуливающих был совсем молод. Он, почти мальчик, худой и высокий, продолжил долгий разговор:

— И всё-таки я люблю работать по ночам — у нас были сложности с лабораторией,

приборов мало, а ночью всё свободно, никто не мешает. Люблю ночь.

— Любовь к ночным светилам прекрасна, но не провороньте ваши дни: вам нельзя отказываться от общения со студентами. Настоящему учёному нужно преподавать: только так вы будете проверять самого себя. Студенты безжалостны, — отвечал ему старик с острой бородкой, — но устоявшее после их проверки стоит, как правило, прочно.

— Студенты сейчас больше думают о революции, а не о формулах.

— Это пройдёт. И революция, и половой вопрос.

— Половой вопрос пройдёт? Взаправду?

— Ну не он, а агитация.

— Так всё пройдет, но какой ценой мы оплатим наши эксперименты?

— Это не наши эксперименты, а *их*. — Старик произнёс «наши» с сильным нажимом.

— Наши, — молодой отвечал старику с тем же нажимом, — просто мы в качестве лабораторных крыс, а не экспериментаторов. И отказаться нельзя. Наша революция — прямое следствие той, французской. Они ведь всё придумали за наших эсеров — закон за законом, пункт за пунктом. Никаких, прости господи, марксистов, никаких бомбистов. У французов сто лет назад уже были все нужные слова: «враг народа», «контрреволюция», «революционный трибунал»,

«ревком»... Ну и прочее — если в России снова начнут, им вовсе не нужно будет ничего изобретать. Нас с вами гильотинируют... нет, всё же расстреляют по очередному «Закону о подозрительных». Все эти желания кровавых перемен и массового живодёрства не в культуре, а внутри человека. Вот даже эротические эксперименты у наших союзников-лягушатников уже были — и вполне революционные. Маркиза де Сада из Бастилии, кстати, освободили... Впрочем, не помню точно, как там было.

В этот момент окошко одного из финских домиков открылось, и оттуда вывалился молодой человек довольно странной наружности. Во-первых, он был в мятой блузе, какие обычно носят художники, а во-вторых, идеально брит и головой напоминал бильярдный шар. Со стороны могло показаться, что из окна его выбросил пороховой заряд.

Молодой человек встал и, отряхнувшись, погрозил кулаком в окно.

Затем он снова похлопал себя по брюкам, счищая песок, и споро пошёл в сторону железнодорожной станции.

— Да-с, — с некоторым недоумением заметил старик. — Вот случай. И боюсь, мы никогда не поймём, что это было.

— Да что тут думать? Кого-то выкинули из дому за дурное поведение; возможно, человек напился и позволил себе лишнее. Этот

человек брутальной поэтической наружности сейчас молод, а как почует запах смерти, потребует какого-нибудь химика воскресить его наново. От меня или от вас, к примеру, потребует. Наблюдённые факты иногда очень просты, даже физические факты.

— Как знать, вдруг когда-нибудь природные законы окажутся слишком сложными? Такими сложными, что вы не поймёте моей работы, а я — вашей? Сейчас тысяча девятьсот тринадцатый год, а кто знает, что будет через сто лет? Я через пару лет уже не узнаю научного пейзажа. Но мы — естествоиспытатели природы, мы будем нужны всегда. Только давайте вернёмся, надо заснуть, прежде чем проснётся наша молодежь. А вечером нас опять будут терзать про Эйнштейна и теорию относительности. Мои гости всегда путают дачную жизнь с публичным лекторием...

И прогуливающаяся пара повернула обратно.

Но вечером ни молодого физического химика из второй столицы, ни профессора Е. И. В. Санкт-Петербургского университета и многих почётных званий и орденов кавалера не расспрашивали ни о теории относительности, ни о скорости света, ни о машине времени.

Говорили на дачной веранде о революции, да только о революции особого рода — «по-

ловом восстании», как это явление назвала стриженная курсистка.

Едва слышно, но очень быстро хлопал крылышками мотылёк, пожизненный узник абажура.

В круге света тускло светились лафитники и чайные чашки.

Говорили о проблеме пола, и студент в расстёгнутой тужурке уже прочитал чужое стихотворение:

Проклятые вопросы,
Как дым от папирасы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефёла,
И ржёт навеселе.

Москвич с опаской полез в разговор, как купальщица в быструю реку:

— Но это ещё не всё там! Помните, как там кончается?

Научно и приятно,
Идейно и занято —
Умей момент учсть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

— «Проблема-мышеловка» — как верно это сказано!

Но его не слушали.

Какое-то странное напряжение сгустилось в воздухе. Его рождали близость моря, запахи сосен и молодые женщины рядом,

казавшиеся доступными, причём доступными не так, как раньше, а по революционному обету, для прогресса.

Говорили также о том, что в будущем случится свобода не только социальная, но и половая. Причём для всех. Вспомнили и изломанных молодых людей, что томно сидели в летних ресторанах, не особо скрываясь.

Приехавший из города знаменитый писатель утверждал, впрочем, что энергия, накопившаяся в педерастах, послужит делу революции — ибо она только увеличивается и копится под спудом.

Старик-профессор брезгливо поморщился:

— Это ж содомия. Вот завтра заглянет к нам наш сосед-дьякон, он вам подробно это распишет.

— Бросьте, а Чайковский... — не отставал писатель.

— Нет, Чайковского мы вам не отдадим, скотство какое! Сводить Чайковского к содомии!

— Да отчего же скотство!

— Да оттого! Оттого, что приказчик, причём всякий приказчик теперь думает: «Ага, Чайковский-то кто!» И вот от этого приказчик чувствует, что он в своей низости ближе к Чайковскому, что своим выдуманном грехом Чайковский со своей бессмертной музыкой становится ниже — на один уровень

Березин В.

Б 48 Мамонт : роман / Владимир Березин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-29101-0

Кирилл Еськов одержим идеей найти останки мамонта. Некий писатель отправляется на машине времени в будущее, и увиденная картина его поражает. Физик Лебедев с риском для жизни контрабандой через Каспийское море переправляет прибор, способный перемещать во времени и пространстве. В этой книге множество героев, у каждого — своя великая цель, но все они связаны большой историей, хотя сами об этом не догадываются.

В «Мамонте» причудливо переплетаются сюжетные линии таинственной машины времени, то и дело меняющей хозяев, и поиска последних мамонтов, живших когда-то на Крайнем Севере. Вымышленные герои соседствуют с реальными людьми, а литературные персонажи разных книг ведут беседы между собой. Роман «Мамонт» временами притворяется авантюрным романом, временами — педантичной исторической прозой, а иногда оборачивается жутчайшим хоррором.

Писатель-мистик Владимир Березин творит свою вселенную с поистине демиургическим размахом. Из книги в книгу («СНТ», «Пентаграмма Осоевяхима», «Мамонт») кочуют героини-романтики, герои, одержимые большими идеями, ищущие ответы на вечные вопросы. Их преданность этим идеям и поискам будет вознаграждена. Последний мамонт обязательно выйдет навстречу тому, кто так ждал, искал и призывал его сквозь века.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН

МАМОНТ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Лариса Ершова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.01.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-38218-01-R